

БЫЛ ТАКОЙ КУРС

«ЗДЕСЬ БУДЕТ
НАШ ДОМ НА ВЕКИ...»

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ СТУДЕНТКИ 2-го КУРСА
РАИСЫ РЯГУЗОВОЙ (БУДУЩЕЙ КАДМЕНСКОЙ)

ГУДОВСКИЕ ПЕРЕГУДЫ

4 сентября 1970 г.

Гудовка. Здесь очень светлые звезды. И Стожары висят прямо над рекой. Она – узкая и тихая. По берегу стоят деревья, смотрятся в воду, как в зеркало. И каждый новый желтый листок стараются побыстрее вытряхнуть из крон, совсем, как женщина старается избавиться от ужасного седого волоска. Но осень все равно придет. По вечерам холодно и изо рта вырывается облачко пара. Вода темнеет, хмурится и от этого кажется глубокой. Но девчонки говорят, что тут мелко, вброд летом переходят. Ночью тихо, нам, горожанам, удивительно, мы глохнем от этой тишины. Странно, но и собак мало, не слышно в ночи их лая. Наверное, здесь они особые, сытые и добрые...

Итак, мы, студенты 2-го курса отделения журналистики, должны быть здесь целый месяц. А что, мне очень здесь нравится! Хорошо! Яблоневые сады, везде они – яблоки, яблочки! Красные, зеленые, сладкие, сочные, хрустящие, большие и не очень, но красивые, плотные и... Почему-то вспоминается Ева, Адам, дерево познания... Не так то ты простенько наше яблочко. Всё ты, все от тебя пошло...

Живём мы на квартирах: девчонки у одной бабушки, мальчишки – в другой хате, недалеко от нас, на свидания ходить легко. Большие сенцы, русская печь, чистенько, маленькие окошки. Мне нравится, что моя постель под образами. Никогда так не спала. Наташка Богомолова сидит, все гадает на картах, очень хочет знать, что будет, исполнится ли её желание. «Не везет мне, девки!» – говорит она в сердцах. А нам весело! Не про нас сейчас – не везет! Нам нравится слово «девки», нам нравится здешняя атмосфера ожидания праздника, нам нравится этот тягучий воздух и копны сена, стоящие вдалеке! Хорошо! Правда, другая Наташка (Санина) вносит небольшое смятение в наши головы. Оказывается, она страшно боится мата, матерных слов. От них у нее начинают течь слезы, и она не ручается за себя! Мы должны об этом знать и охранять ее, насколько это возможно, от такого негатива. А как охранять, если наша хозяйка в любой момент может выдать крепкое словцо...

У нас есть артель «Красный алкоголик», «Ньютоны», «Девичий монастырь» в нее же входит и Оскар, он замечательно научился трясти яблони, и «Напрасный труд». Новые впечатления.

Оказывается, Целуйко не от природы такая гибкая! Она делает всякие гимнастические упражне-

ния для этого! Так поднимает ноги во все стороны! У меня это не получится. И в первую очередь – от лени! А во вторую очередь, все равно я не смогу делать такую акробатику.

Вадик Кулиничев привез магнитофон и замечательные пленки! Песни из спектаклей Театра на Таганке. Мы в полном восторге! Светка сделала целый тазик салата из белокочанной капусты, комната в полумраке – и песни.

Какие песни! Я таких никогда не слышала. И даже не догадывалась, что они существуют на этом свете! Я могу сидеть часами и впитывать их без конца, без счета времени, без примеси посторонних мыслей и звуков. Как будто очутилась на Луне, и рядом нет никого и ничего, нет воздуха, нет еды, нет людей, и только незнакомая леденящая и одновременно ярко согревающая душу мелодия питает меня, мое сердце, мои уши, мою такую беспокойную сейчас душу:

*Мои дела, как сажа бела.
Была черноброва, светла была.
Но все добро свое раздала.
Миру по нитке – голая станешь.
Ивой поникнешь, горкой растаешь.
Мой Гамлет приходит
С угарным дыханьем,
Пропахший бензином, чужими духами.
Как свечки, бокалы стоят вдоль стола,
Идут дела и рвут удила,
Уж лучше на площадь в чем мать родила!
Ни крошка с Манежной, ни мужу жена.
А жизнь, как монета, на решку легла!
Искала орла, да вот не нашла!
Мои дела, как зола.
Дотла.*

* * *

*Где ты, мой добрый волшебник?
Я до сих пор не летаю,
И невидимкой не стал я,
И нету разменных мне денег.
Лампу ты дал Алладину,
Мудрость Ходже Насреддину,
Пусть не шагреневои кожи,
Дай мне хоть что-нибудь тоже...
Радости дай и печали,
Чтобы встречал и встречали,
Чтобы меня понимали,
Чтобы и сам понимал я.
Где ж ты, мой добрый волшебник?
Я до сих пор не летаю.
Видишь, стою на коленях,
Хоть сам придумал тебя я.*

* * *

*Идут бараны в ряд!
Бьют в барабаны!
Кожу для них дают
Те же бараны!*

Белым парусом в небе луна. Нет, Лунице! Стоит прямо над головой и освещает всю землю голубоватым прохладным светом! Каждая травинка, каждый потерянный колосок ясно виден, и здесь, на гудовском поле, я вдруг подумала, что на проспекте Революции гораздо темнее от сотворенных человеком электрических лампочек. А Правдивцев горланит в небо «Порвали парус», а нам так замечательно и сладко, так чудесно пахнут соломой волосы и руки... И сердце замирает от предчувствия большого будущего, замирает от мимолетного узнавания того, что может быть там, дальше, в нашей жизни; от внезапной истины, что почти ничего не зависит от тебя, девочка, а есть какие-то другие неведомые силы, которые будут вести тебя. Но куда и как? Жизнь – удивительна в этот момент, она так наполнена любовью и мистикой, что кажется это и разлито на гудовском поле. Что такое любовь? Может, это – семена? Будет хороший урожай – так задуман мир. Сказать человеку: «Я люблю тебя», это значит, что: «Ты никогда не умрешь». Это – лучшее, что с нами случается на этой земле. Правда, я где-то читала, что бабье счастье идет по следам материнской жизни. Я такого не хочу, тихонько прошу у неба хорошей участи. Да, мое сердце сейчас наполнено любовью. Но чьи волосы я так нежно глажу?..

Шла мимо дома, где живут мальчишки, на автобус (отпустили на денек до дому), на дороге разбухал от недавнего дождика настоящий чернозем, грязница ядреная, вязкая, а тропочка между лужами узенькая, хиленькая – оступилась, подскользнулась и упала! Вадик видел. А когда я приехала из Воронежа, уже висела стенгазета, а в ней раздел под названием «Падение Раисы». Там такие стишки:

*Влюбился Косякин в Раю.
И ходит теперь по краю.
А может, он – в раю?
А может – на краю
Пропаста?
А может, все это глупости?
Прости! Прощай! Или
Вечное: «Здравствуй, дорогая!»
Не упусти, Рая!
Рая и Шурик!
Шурик и Рая!
Ладушки-ладушки!
Где были?
У... Гудовки.*

А ещё там было для Феди Киселева и Преториус:

*Как не издевались над Преториус!
И Притыриус, и Претвориус!
И Прикуриус и Привытиус!
Ох, попала, Галя, ты в историус!
Федя, сделай для нее укритиус!*

СТУДЕНТЫ ГОВОРЯТ

К Семёнову в общежитие подселили настоящего англичанина. Мы обсуждаем эту новость с интересом:

– Ну, а как он разговаривает на английском?
– Сёма говорит – неважно. Произношение хромает.

* * *

– Девчонки, иду сегодня мимо спортзала и думаю: «Почему мне так легко?» Физкультура в расписании исчезла!

* * *

Студенты-журналисты говорят:
– Сделаешь ЭТО – бутылку поставлю!
Студенты-филологи говорят:
– Сделаешь ЭТО – шоколадку куплю!

* * *

*Летописцы – седые инки
Счёт деяниям не вели.
Отравившиеся алхимики,
Затонувшие корабли.
Зарастала планета плахами,
Полыхала со всех сторон.
Ветры горькие только плакали
Над буграми земли сырой.
А потом всё над той же пропастью
Шли другие к своим садам
Не по просеке, не по прописи –
По неровным, в крови, следам.
Всё вчерашнее, всё всегдашнее,
Всё, чему завтра имя дашь,
Начинается с неудачников,
Начинается с неудач.*

Елена Неведрова

* * *

25 декабря 1969 г. Первая сессия. Первый зачет. У Худяковой. Очень волнуемся. И не только мы, но и наши преподаватели. Картина такая:

Из аудитории выходит печальная Натали Петрова. Все кинулись к ней:

– Ну, что??? Зачет???

– Нет. Задала такой вопрос, что я первый раз слышу: четыре парадокса «районки», которые обсуждались в «Журналисте», – совершенно потерянно говорит она.

Все на минуту смолкли, а потом вдруг загудели разом, как встревоженный улей. Действительно, мы не знали не только четырех, но и ни одного парадокса «районки». Мы кидались то к одному, то к другому конспекту, судорожно листали их, но ничего не находили.

Но идти к Эмме Афанасьевне-то надо! Последняя надежда была на нашу классную даму – Вадима Георгиевича. Мы – к нему. Он сдвинул брови и задумался. Мысль четко была видна на всем лице:

– Читал когда-то... Но давно, – медленно сказал он. – Надо у Кройчика спросить, вон он идет!

Действительно, шёл наш любимый Лев Ефремович в своих любимых нечищенных ботинках (даже в такой напряженный момент журналистское сознание подмечало всякие мелочи и характерные особенности персонажа!). Группа, которая окружила В.Г., уже выросла до грандиозных размеров. И весь этот жаждущий познания анклав двинулся к Кройчику. В деканате об этом преподавателе говорят, что он никак не утратит студенческих замашек.

Кройчик тоже начал думать:

– Вот, чёрт, читал же их, а сейчас вылетели! А что, это Худякова спрашивает?

Опять сосредоточенно думает. Наконец, выдает свое решение нам, пребывающим в полном внимании:

– Вот что, – сказано очень решительным голосом, предвещавшим многое. – Звони сейчас же Ольге Васильевне. Пусть всё бросит и просмотрит все журналы...

Вадим Г. кинулся к телефону. Через 15 минут парадоксы были у нас в кармане.

А мы, студенты-первокурсники отделения журналистики ВГУ, вдруг поняли, что здесь, на площади Ленина, 10, будет наш дом на веки вечные и что сюда можно будет приходить с любым делом – и с грузом проблем, и с радостью, а наши преподаватели – лучшие, самые лучшие на свете и всё только начинается!

* * *

Мимходом подслушала. Идет по коридору очень довольная Люба Ф.: глаза горят, как фонарики, губы улыбаются, лучи солнца играют в черных кудрях. Навстречу Козин.

– Витя! Я пятерку по экзамену получила!

– Молодец, умница! Расцеловал бы тебя, да народу много!

– А ты целуй! Меня уже все зацеловали!